

12. *Маковицкий Д. П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» : в 4 кн. Кн. 4 : 1909 (июль – декабрь) – 1910. М. : Наука, 1979. 487 с. (Лит. наследство ; т. 90).

13. *Мандельштам О. Э.* Шум времени. Л. : Время, 1925. 101 с.

14. *Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб. : М. В. Пирожков, 1908. 208 с.

15. *Ницше Ф.* [Собр. соч. Т. 1] : Так говорил Заратустра = (Also sprach Zarathustra) : символич. поэма / пер. с нем. Д. Борзаковского ; под ред. А. Введенского. М. : М. В. Ключин, [1900]. 360 с.

16. Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С. А. Венгерова ; послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М. : Республика, 2004. 543 с.

С. К. Пестерев (Томск)

Персонажи Запада и Востока в малой прозе Марка Алданова (очерк «Король Фейсал и полковник Лоуренс» и рассказ «Павлинье перо»)

Восточная тема в творчестве Алданова не относится к числу преобладающих. В центре внимания автора чаще всего оказываются Россия и Европа, в то время как две другие культуры, американская и восточная, остаются на периферии. Во введении к рассказу «Павлинье перо» Алданов пишет: «Много лет назад я посетил три страны Ближнего Востока. Сравнительно долго прожил только в Каире (в исторической гостинице “Шепхерд”, сгоревшей во время пожара 1952 года, известной по книгам путешественников девятнадцатого века). Все мои дорожные записки остались в России. Кое-что в памяти сохранилось. Больше дали мне для этого рассказа книги, газеты и сообщения людей, проживших долгие годы в Северной Африке и покинувших ее лишь несколько месяцев назад» [1, с. 427]. Пребывание Алданова на Ближнем Востоке относится к юношескому периоду жизни писателя, о котором мы имеем минимальные сведения: точные данные о времени и месте пребывания Алданова на Ближнем Востоке отсутствуют даже в самых авторитетных источниках.

Можно выделить два текста, в которых в центре внимания автора оказываются персонажи восточной истории в их контактах с европейской

цивилизацией: очерк «Король Фейсал и полковник Лоуренс» (1933) и рассказ «Павлинье перо» (1957).

Уже заголовок очерка «Король Фейсал и полковник Лоуренс» указывает на два полюса системы персонажей, формально относящихся к Западу и Востоку. Однако материал очерка сопротивляется полярной картине мира. Интерес к Фейсалу обусловлен его появлением в большой (европейской) истории. Это появление, как подчеркивает автор, обусловлено волей случая: «Судьба очень странно выбросила эту карту в той огромной игре, которая завязывалась в мире в августе 1914 года. Если бы не игра эта, то был бы без всякой биографии младший сын владетельного меккского князька» [2, с. 339]. Мир Востока приобретает значимость для повествователя, только оказываясь втянутым в западные интриги. Событие прихода Фейсала к власти не обходится без авторской иронии в адрес арабского уклада: «В применении к нему эти ученые западные слова – лидер, фракция, автономия – звучат довольно забавно. Будущий иракский король – в тесном и символическом смысле слова – пересел прямо с верблюда на аэроплан» [2, с. 343]. Авторская позиция неоднократно проявляется похожим образом: «Возможно для арабов Лоуренс в самом деле “Князь динамита” и “Мировой Дьявол” – кто их, арабов, разберет?». В финале она обретает характер однозначного вывода: «Все достаточно понятно в Фейсале. Арабский патриот, властолюбец с чертами подлинного душевного благородства, природный вождь, или, в переводе на европейский политический язык, диктатор, но диктатор особого образца» [2, с. 353].

Несмотря на порядок имен в заглавии очерка, автор по преимуществу разгадывает исторический и психологический феномен полковника Лоуренса, который представлен в очерке в различных статусах: студент Оксфорда, агент британской MI6, арабский партизан, писатель. Первое появление Лоуренса в тексте сопровождается уподоблением его Байрону с его романтическим жизнотворчеством. Персонаж вписывается в романтическую парадигму с противостоянием филистерскому миру и поиском собственного пути. Можно усмотреть авторскую стратегию демифологизации героя. Утверждение биографа о том, что Лоуренс «по природе самый настоящий бедуин», автор подвергает иронической редукции. Фраза «“Бедуин” оказался в 1915 году агентом Intelligence Service» [2, с. 349] выступает промежуточным новеллистическим пуантом и движет фабулу к агентурной деятельности персонажа. Вербовка агента и причины, по которым Лоуренс решает работать на спецслужбы, фабульно не проясняются. Служба в разведке является лишь пропуском на Восток.

Ключевая сцена его восточных приключений – встреча с Фейсалом. Однако интрига не разворачивается, сближения персонажей так не происходит: Лоуренс «самостоятельно руководил партизанской войной против турок» [2, с. 351]. Автор высказывает безапелляционные суждения: «Все достаточно понятно в Фейсале. <...> В Лоуренсе все таинственно. В отличие от Фейсала, Лоуренс – писатель, и писатель талантливый» [2, с. 353]. Он видит в привязанности к Востоку как источнику вдохновения один из ответов на вопрос о феномене Лоуренса. Среди других причин фигурируют империалистическое, типично британское, сознание полковника, ратующее за расширение британского влияния во всем мире. Тем не менее, на формуле сочетания творческой души, экспансионистской энергии и чувства справедливости авторская попытка понять Лоуренса останавливается. В своих суждениях Алданов – прозападная личность: «Нет для отсталых народов другого пути к цивилизации. Англия, Франция, в недавние времена и Россия выполняли и выполняют в Азии великую цивилизаторскую роль» [2, с. 361]. С другой стороны, финал очерка сводится к скептическим умозаключениям: «Все мы – и европейцы, и азиаты – живем ведь одновременно и в двадцатом веке и в пятнадцатом» [2, с. 362]. Мультикультурная проблематика уступает место антропологической, подобно тому, как человеческая природа бунтаря Лоуренса интересует автора больше борьбы Фейсала за власть на Востоке.

Восток к моменту создания этого произведения еще не начал доказывать свое право политического голоса, он остается экзотическим докусом, подстраивающимся под западные требования. Говорить о колониальной проблематике в очерке еще рано. В рассказе же «Павлинье перо» колониальная проблематика фабульно более очевидна.

Время действия «Павлиньего пера» – 1955 г. Основные события происходят в Каире (Египет); значимый эпизод разворачивается в Мекнесе (Марокко). Ближний Восток и север Африки тех лет – место бурного противостояния между местным населением и теряющими силу колонистами, Англией и Францией. Помимо этого внутри стран происходят конфликты между племенами; особняком стоит арабо-израильский вопрос. Как известно, напряжение в регионе приведет впоследствии к Суэцкому кризису 1956 г.

Алданов использует прием столкновения персонажей-представителей разных наций, проецируя макрополитические тенденции на межличностный уровень.

Персонаж, образом которого открывается очерк, – француз Жорж Дарси. На встречающихся ему арабов смотрит свысока: «похож на рисунки, изображавшие светских людей в дешевеньких иллюстрированных

романах, выходявших у нас перед первой войной» [1, с. 432] (Мулей-ибн-Измаил); «“Этот, кажется, из Арабской Лиги, мировой организации подкупа, денег у него пропасть”» [1, с. 433] (Гуссейн). Далее повествователь выявляет причины этого презрения: «Прежде он любил арабские страны, снисходительно-добродушно относился к арабам, очень ценил древнее арабское искусство и знал в нем толк. Теперь же в тесном кругу сердито уверял, что каждый араб по природе бездельник, и что не французы эксплуатируют арабов, а арабы их! <...> “Вообще надо раз навсегда признать, что между нами и ими стена. Они для нас те же марсиане, а мы для них”, – говорил он сердито» [1, с. 433–434]. Подобные колониалистские суждения Дарси иногда корректируются: «Но скоро отходил и сожалел о преувеличенно резких выводах против арабов: <...> люди везде одинаковы» [1, с. 434]. Чувство превосходства, свойственное представителям европейской цивилизации, не выявляет авторского негатива, поскольку Алданов сам обладал сходной точкой зрения: в мире правит сила, и, пока французы удерживают ситуацию под контролем, формулы морального осуждения являются неуместными.

Вне европейского и восточного укладов оказывается советский персонаж. Военный консультант Гранитов впервые изображается в рассказе с точки зрения Дарси: «А тот субъект с папироской, должно быть, русский» [1, с. 427]. Гранитов преданно выполняет приказания начальства, признает себя карьеристом и далек от коммунистических идеалов, при этом не испытывает иллюзий насчет идеалов своего окружения и верхушки власти. В межнациональном вопросе он и все его начальство сохраняют шовинизм: «На востоке всегда вор на воре сидел и воров погонял» [1, с. 450], «Война с тель-авивскими жи... с евреями пока отложена» [1, с. 450]. Гранитов, не рассуждая, вслед начальственным заверениям, понимает международные конфликты как борьбу «трех шаек» политиков. О культурном диалоге не может быть и речи: во время аудиенции у Насера обе стороны ведут политическую беседу, принципиально расходящуюся с их истинными чувствами: «Он повторил, как рад и счастлив был увидеть общепризнанного вождя египетского народа. “Надеюсь, что тебя со временем подколлет какой-нибудь “Мусульманский брат”, – подумал он и почтительно откланялся» [1, с. 489].

Содержание образа Насера прочитывается как прямолинейное и безапелляционное сведение авторских счетов со всеми диктаторами, из которых египетский диктатор – самый психологически понятный, поскольку ориентируется на европейских предшественников (Гитлера, Сталина, Муссолини, Франко), как бы трагически ни окончилась их

политическая карьера: «своих идей у него было очень мало, но к его услугам были чужие, и он привык их усваивать очень быстро, менял, по мере надобности, легко» [1, с. 483]. Его отношение к европейцам сводится к примитивно расистскому. Сниженным вариантом Насера можно считать второразрядного марокканского сановника Мулея, как упрощенный двойник Дарси видится британский чиновник Лонг: дублеры только закрепляют идею тотальной недалекости и безликости правителей любого ранга. В пределе в них латентно присутствует природно-животный инстинкт уничтожения чужих особей, который открыто проявляется в Якубе, существующем только в биологическом измерении (зверски убивает Дарси и Суламифь).

Межэтнические взаимоотношения формируют главную проблематику рассказа. Заглавие «Павлинье перо» отсылает к конфликту, послужившему формальным поводом захвата Алжира. История, рассказанная французом Дарси, отчетливо маркирует стороны конфликта: дей – «тиран, дикарь, пират и рабовладелец» [1, с. 443], а «великие державы (Франция. – С. П.) дорожили своей честью» [1, с. 443]. Позиция самих арабов, представленная Мулеем, предсказуема: «Они во всем перед нами виноваты» [1, с. 474]. Конфликт останавливается на фазе выявления виновных, никто из персонажей не задумывается над способами его урегулирования, что закономерно приводит к взаимному насилию. Американская журналистка Мэрилин устранивается от остроты проблемы в зону беллетристики и дешевого психологизма, неизменно сохраняя высокомерие по отношению к арабам. В сцене свидания Мулея с Мэрилин «ему стало ясно, совершенно ясно, что при всем блеске его беседы, при всех ее симпатиях к угнетенным нациям, при всей его неотразимости он, араб, для этой влюбленной в Средний Восток американки не существует, просто не существует» [1, с. 475].

В рассказе ни за одним из персонажей нет поддержки повествовательной инстанции, повествователь устранивается от оправдания сторон конфликта. Виноваты все, и в этом видится проявление авторского исторического скептицизма. Все персонажи лгут, меняют убеждения, озабочены лишь собственным успехом.

«Павлинье перо» как будто возвращает к устойчивой алдановской рефлексии об истоках человеческого властолюбия, психологической подоплеке политических страстей, своего рода политической антропологии. Исторический хронотоп рассказа, разветвленный и запутанный, выходит за пределы европейского мира; в международные коллизии втянуты французы, англичане, американцы, арабы, евреи, русские

(советские) персонажи. Но внешняя динамика не делает из действующих лиц «подвижных персонажей» (Ю. Лотман), способных изменить отношение к миру и окружающим людям. Герои (Дарси, Гранитов, Насер), вне зависимости от их национальной принадлежности, статуса, лишены интуиции, пребывают в наивной самоуверенности в правильности своего понимания чужого менталитета и уклада жизни. Речь идет о взаимном восприятии носителей восточного и европейского мира и менталитета, о проявлении человеческой природы в напряженных исторических ситуациях, о трудно определяемой национальной составляющей поведения и миропонимания.

Список литературы

1. *Алданов М. А.* Павлинье перо // Алданов М. А. Соч : в 6 кн. / под ред. А. А. Чернышева. М. : Новости, 1994. Кн. 3. Прямое действие. С. 427–494.
2. *Алданов М.* Король Фейсал и полковник Лоуренс // Алданов М. Портреты : в 2 т. М. : Захаров, 2006. Т. 2. С. 337–362.

Р. Ш. Абельская (Екатеринбург)

Черты культурного синтеза в поэзии А. Галича

Поэзия Александра Галича во многом построена на культурологических ассоциациях – пушкинских, античных, библейских. Примеры ассоциаций подобного рода можно найти в различных произведениях поэта, таких как «Петербургский романс», «Псалом», «Опыт ностальгии» и др. (см. об этом: [1; 7]).

Одна из характерных черт поэзии Галича заключается в стремлении поэта синтезировать образы русской и европейской культур, включив их в современный ему поэтический дискурс. Зачастую этот синтез осуществляется на фоне имплицитно проявленной «еврейской мелодии», прямо или косвенно отсылающей к детству поэта. Подтверждением тому служат произведения «Спрашивайте, мальчики», «Засыпая